

УДК 94 (47) "653":394.26 (045)

*В.В. Долгов***АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕНИ И БЕЗДЕЛЬЯ**

В статье древнерусские письменные источники рассмотрены через призму социально-антропологической теории. В центре внимания автора — те немногие фрагменты, в которых исследователь может услышать «голос древнерусской лени». В статье дан обзор серии пассажей в памятниках древнерусской письменности, в которых высказываются мысли и эмоции праздного, ленивого человека. Кроме того, в статье уделено внимание культурным формам праздного, рекреационного поведения. Выявлены особенности форм праздности и отдыха, осуждаемого древнерусским обществом и поощряемого им. Обосновано наблюдение, что многие формы проведения досуга (например, игра в шахматы), считающиеся в современном обществе вполне уважаемыми, в древности порицались церковью и находились под официальным запретом. При этом некоторые формы праздности, осуждаемые официальной, «высокой» культурой продолжали, тем не менее, существовать в бытовой повседневности широких масс населения. Автор приходит к выводу о типологическом сходстве древнерусской культуры праздности с современной ей средневековой европейской.

Ключевые слова: Древняя Русь, социальная антропология, антропология лени, антропология праздности.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-33-41

Классическое исследование М. Вебера о протестантской этике впервые показало, что представления о труде оказывают решающее влияние не только на формирование бытового уклада, но и на исторические судьбы народов. С тех пор трудовая этика различных народов и культур прочно заняла место среди тем социально-антропологических исследований. Не является исключением и Древняя Русь.

Тема трудолюбия нечасто, но все-таки возникала в древнерусской книжности на протяжении всего периода её развития. Пожалуй, первым её коснулся в своих проповедях Феодосий Печерский: «Ныне же азъ, худый, въ уме приемъ заповед благаго Владыкы, се вещаю вамъ: лепо бо бяше намъ от трудовъ своихъ крмѣти убогыя и странныя, а не празднымъ пребывати, преходити от келии въ келию» [1, с. 434]. За ним о важности труда писали Владимир Мономах, Кирилл Белозерский, сподвижник Ивана Грозного поп Сильвестр. С рассуждениями о высокой моральной ценности труда древнерусский читатель мог встретиться на страницах учительной и житийной литературы. Практически исчерпывающий обзор древнерусских произведений на эту тему дан в небольшой, но содержательной статье А. Е. Тарасова [15].

Понятно, что общая направленность всех этих произведений едина: утвердить ценность труда не только как источника материального благосостояния, но и как основы нравственной жизни. Древнерусская литература доносит до нас пословицы, осуждавшие лень: «Мати зльмъ — леность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъже не имаши — не дасть обрести» [3, с. 436] (вариант в «Поучении Владимира Мономаха»: «Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учить»); «Ленивый горее есть болнаго: болный бо аще лежит да не ясть, а онъ и лежит и ясть» [6, с. 492]. Осуждая лень, древнерусская культура, безусловно, не являет миру ничего экстраординарного.

Если же говорить об особенностях, то следует отметить, что древнерусские авторы всё-таки сравнительно редко обращались к обсуждению хозяйственно-бытовых вопросов, в том числе и трудовых. И уж, конечно, на Руси не могло сформироваться специфического идейного течения, которое бы в том или ином виде подвергало сомнению ценность упорного и добросовестного производительного труда (ср. трудовую этику киников или философию «недеяния» даосов). Типологически древнерусская культура праздности сходна с современной ей средневековой европейской: безделье осуждалось, но, как будет показано, не слишком сурово.

Воззрения трудников и лентяев освящены в древнерусской литературе неравномерно. Мы имеем возможность внимать голосам проповедников, призывавших трудиться. Лентяи же, бездельники и пьяницы почти безмолвны. Собрать те немногие крупинки информации об этой специфической разновидности «безмолвствующего большинства», которые все-таки сохранила для нас древнерусская книжная традиция — цель настоящей статьи.

Практически единственный источник, доносящий до нас «голос древнерусской лени от первого лица», это рукописные маргиналии, оставленные переписчиками книг и изданные Л. В. Столяровой

[14]. Понятно, что переписывание — рутинное занятие, как ни какое другое провоцирующее лень. Переписчики разнообразили свой трудовой день мыслями о завтраке и ужине, посторонними разговорами, «вдумчивым» переживанием похмельного синдрома. Обо всех подробностях своей многотрудной жизни считали возможным сообщать безвестному читателю копируемых священных книг, оставляя записи на полях: «Похмельнь есмь», «Чересь тынь пьютъ, а нас не зовуть», «О, господи, помози, о, господи, посмеши: дремота неприменная и в сем рядке помешахся», «Ох лихо мне лихого сего попирья: голва мя болить, и рука ся тепет», «Сести ужинать клюкования съ саломъ съ рыбьим» и пр. [13, с. 52–57]

Мы видим, что сами писцы не особенно стыдились отсутствия у себя трудового энтузиазма даже в таком важном деле, как переписывание сакральных текстов. Это обстоятельство должно учитываться при изучении религиозности средневекового человека. Современные ученые, порой, склонны её преувеличивать. Между тем религиозная экзальтация не была повсеместной и перманентной — лень снижала высокий полет души и в те далекие времена.

Следует отметить, что безделье, как ни покажется странным, — это культурно обусловленный феномен, подверженный историческим изменениям. Разные эпохи порождали разные представления о бинарной паре «дело/безделье». Широко известна судьба английского слова «спорт». Еще в XV в. оно обозначало «pleasant pastime» [16], но сегодня человек, регулярно занимающийся спортом, отнюдь не считается бездельником. Наоборот, спортсмен воспринимается в качестве трудолюбивого, целеустремленного человека.

Безделье редко выражается в полном отсутствии какой-либо активности. Как правило, это тоже деятельность, которая, однако, не считается полезной, важной для жизни. Не считается эта деятельность и социально одобряемой формой отдыха (таковой в Древней Руси считалось, например, чтение духовной литературы). Это деятельность почти полностью бесполезная, социально неодобряемая.

Различные страны эпохи порождали и порождают различные формы такой деятельности. Бездельничанье современного человека (компьютерные игры, просмотр френд-ленты в социальной сети) совершенно не похоже на бездельничанье нашего соотечественника даже лет тридцать назад (возлежание на диване, просмотр ТВ, чтение газет). Понятно, что праздность древнеримского аристократа по «формам и методам» кардинально отличалась от таковой в восточнославянских землях.

Каковы были основные форма «праздного времяпрепровождения» в Древней Руси?

В качестве альтернативы полезному труду древнерусские лентяи вообще и писцы в частности на первое место ставили сон. Бездельник XXI в., пожалуй, имеет гораздо более разнообразный набор развлечений. Да и сон сегодня считается, скорее, важной для здоровья фазой жизнедеятельности организма, необходимой для восстановления и дальнейшей плодотворной деятельности. В Древней Руси сон в гораздо большей степени, чем сейчас воспринимался как удовольствие и проявление лени. Недаром Владимир Мономах, наставляя читателей своего поучения пишет: «Пусть не застанет вас солнце в постели» [11, с. 464]. Советов высыпаться как следует мы в древнерусской литературе не найдем.

Сладкие мечтания о сне находим мы в маргиналиях. Безвестный ученик некоего дьякона оставил запись на полях Пролога, который переписывал: «О, горе ученикомъ у диакона, хочется спати; ин, ин, охъ, тошно у...» [14, с. 223]. Сонное состояние овладело автором настолько сильно, что даже свою жалобную фразу он довести до конца не смог. Переписчик Служебника первой половины XIII в. Мисах так передал свое состояние: «Охо, охо, охо, дремлет Мисахе...» [14, с. 163].

Красочную картину древнерусской лени рисует нам сам Феодосий Печерский. В ней центральное место также принадлежит сну. Святой строго порицает монахов окормляемого им монастыря. За что? Для начала, за то, что, когда ударяют в било, созывая братию на утреннюю молитву, многие предпочитают оставаться спать, вместо того, чтобы бодро, с готовностью в сердце встать с кровати.

Возможно, такое трепетное отношение ко сну является специфическим качеством именно духовенства в силу того, что их режим сильно отличался от нормального природного ритма. Утренняя служба начиналась засветло, а книги переписывались, как следует из тех же маргиналий, по ночам [14, с. 163].

Но дело не только в недосыпе.

Лень преследовала монахов на каждом этапе дневного распорядка: в храм они идут неохотно, в церкви стоят, прислонившись к стенам. Причем лень распространяется не только на физические действия, но и душевное состояние. Когда приближается священник с кадиллом, «не лепо с леностию

стояти, но страх великий имети», — указывает Феодосий. Понятно, что человек, «стоящий с ленью», внешне почти не отличается от человека, стоящего со «страхом». Однако пронизательный игумен видел свою братию насквозь и замечал не только внешние, но и внутренние проявления. Когда дело доходит до коллективной молитвы, монахи не следят за старостой, кланяются вразнобой. Ну и в остальное время, как видно из цитаты, помещенной в первом абзаце, производительному труду монахи предпочитали «хождение из кельи в келью».

Очевидно, непримиримая борьба Феодосия с ленью среди монахов была памятна в монастыре. В молитвенном обращении к святому, помещенному в Киево-Печерском патерике, читаем: «Аще бо и заповедей Господних уклонихомся и устава, тобою преданнаго, ленистю не исполнимом, но единыа ради веры нашиа, еже къ пречистой Деве и к тебе, отче святыи Феодосие, да причтены к лику чад твоих, еже ходиша бес порока по стезям правды, и неразлучныи сътворит ны зрениа светообразнаго своего лица, егда отсюду поимет ны» [5, с. 344]. То есть, по мнению автора текста, лень — грех вполне извинительный. Продиктованное ленью несоблюдение установленного Феодосием монастырского устава он считает вполне возможным искупить искренней верой, обращенной к пречистой Деве и к самому Феодосию. Вера должна компенсировать лень и нарушение дисциплины и открыть монахам возможность быть причисленными к чадам святого, «беспорочно ходившим по стезям правды».

В лени древнерусские книжники видели происки нечистой силы. Но опять же, масштаб угрозы оценивался как не очень существенный. Лениность приписывалась проискам не грозного inferнального дьявола, а скорее, мелкого беса, козням которого подвластны далеко не все. Киево-Печерский патерик содержит рассказ про монаха именем Матфей, обладавшим даром «прозорливости». Как-то раз на службе в церкви он узрел невидимого остальным беса, прохаживавшегося среди стоявшей на службе братии. Бес видом походил на «ляха», он доставал из «лона» цветки, которые автор Патерика именовал «лепки», и бросал в братию. Судя по всему, под «лепком» понималось что-то вроде цветка репейника. К кому такой цветок репейника прилипал, тот,немного постояв, придумывал какой-нибудь повод и уходил в келью спать. Но «лепок» прилипал не ко всем. Те, к кому он не прилип, продолжали крепко стоять и петь на службе до самого конца.

Примечательно, что автор не ставит в данном случае лень в зависимость от моральных качеств человека, а возлагает вину целиком на беса и на случай: к кому прилип «лепок», тот идет на поводу у своей лени, а не прилип — выполняет свой долг до конца.

Рис. Фрагмент страницы Студийского Устава XI–XII

Стремление полежать вместо работы стало предметом шутливой подписи переписчика Студийского Устава XI–XII в. к картинке, изображающей человека, который, отбросив лопату, лежит в совершенно «отдыхательной» позе: нога закинута на ногу, правая рука подложена под голову, мечтательный взгляд устремлен в небо. Древнерусский книжник прокомментировал эту сцену ироничной фразой: «Делатель трудися» [14, с. 56–57].

Другой соблазн для оставления работы — это еда и особенно питье.

«Како ли объестися: исто поставять кисель с молоком» [14, с. 218], — то ли сокрушается, то ли радуется, предвкушая трапезу, попович Козьма, переписчик Пролога (нач. XIV в.). Ему вторит писец Филлип Михалев сын Морозович: «Сести ужинать клюкования съ саломъ съ рыбьим» [14, с. 269]. Очевидно, авторами маргиналий руководило чувство, сродни тому, что заставляет наших современников выкладывать фотографии еды в Инстаграм.

Иногда решение пойти поесть сочеталось с некоторыми угрызениями совести. Все тот же попович Козьма, который собирался объедаться молоком и киселем рассуждает: «Сести позаутрыкати, хотя пост» [14, с. 205]. Не известно, чем закончились моральные терзания, но скорее всего решение было принято именно в пользу завтрака, поскольку Козьма, видимо, был очень жизнелюбивым человеком. Чего стоит такая его молитва: «О, господи, даи ми живу бытии хотя 80 лет, поже даи ми, господи, пива сего напитися» [14, с. 199]. В этом случае можно точно сказать, что, как минимум, вторая часть молитвы была услышана, поскольку следующая через одну надпись гласит: «Ох лихо мне лихого сего попирья: голва мя болить, и рука ся тепет» [14, с. 200].

Вообще, сообщения о том, что автор находится в состоянии глубокого похмелья, нередко встречаются среди маргиналий, опубликованных в работе Л. В. Столяровой. Употребление пьянящих напитков было одной из форм безделья в Древней Руси.

Изначально в языческой древности употребление спиртного было, очевидно, связано с религиозными обрядами и регламентировалось обычаем. Именно такую ситуацию фиксирует ПВЛ в рассказе о мести Ольги: меды там варились и употреблялись в связи с важным событием — тризной по князю Игорю. Однако с распространением христианства пьянство десакрализовывалось и превратилось сначала в неодобряемую церковью форму проведения «народных праздников», а затем уже в обычное пьянство.

Алкоголь относится к числу «прирученных» культурой нейротоксинов. В традиционной русской культуре существовало представление, что алкоголь в умеренных дозах может оказывать благотворное влияние на здоровье человека. Вместе с тем злоупотребление алкоголем, запойное пьянство, воспринималось как болезнь. Этнографами XIX в. были собраны многочисленные примеры народных средств против запойного пьянства. Средства эти не являются предметом рассмотрения в настоящей статье. Для нас важно, что в народной сфере патологическим считалось не употребление алкоголя вообще, а в именно чрезмерное им увлечение [9]. Есть основания полагать, что такой взгляд на алкогольную проблему сложился еще в эпоху раннего средневековья. Умеренное потребление спиртного определял как норму епископ Григорий: «На веселие нам богъ питие дальъ есть, и тожде в подобно время, а не пьянство» [12, с. 288].

Такой взгляд на правила употребления алкоголя закрепился в русской культуре и прошел через столетия. Позицию, сходную с тезисом епископа Григория, находим мы в книге Ивана Тихоновича Посошкова — мыслителя-самоучки, жившего в конце XVII — начале XVIII в. Иван Тихонович не получил никакого систематического образования. Его мировоззрение (особенно в вопросах бытовой повседневности) типологически относится к эпохе средневековья. «Книга о скудости и богатстве» написана на основании народной мудрости, большого личного опыта и здравого смысла. Основное внимание Посошков уделяет вопросам экономики и государственного строительства. Однако, будучи по природе резонёром, пускается иногда и в отвлеченные рассуждения на разные темы. Не обошел мыслитель вниманием и темы употребления алкогольных напитков. В частности, он пишет: «Я не знаю, что в том благодати или что добра, что много пить или до пьяна людей поить. По моему мнению, ради здравия телеснаго полно человеку чарки по три иль по четыре на день пить, то он будет бодр и здоров, а буде ради веселия, то мочно и еще толикое ж число приложить. А безмерное питье ничего добраго не приносит, но токмо приносит ума порушение, здравия повреждение, пожитков лишение и безвременную смерть» [10, с. 230].

В целом древнерусские «правила питания» вполне вписываются в общеевропейские рамки потребления алкоголя. Однако набор напитков отличался от того, что бытовал на большей части евро-

пейского континента. Особенно, южной его части. Ввиду того, что в средней климатической полосе в условиях умеренно-континентального климата не привилась культура винограда, алкогольные напитки производили в основном из меда. Медовый раствор, называвшийся по-древнерусски «сыто» подвергали брожению. В результате получался мед как алкогольный напиток. Крепость его была невелика, но не слабее виноградного вина. Подобно вину, его можно было пить сразу по окончании сбраживания, а можно было поставить на время в бочонках. Таким образом мед получал выдержку. Получались «меды стоялые», которые после выпадения осадка обретали прозрачность и более тонкий вкус. Первые упоминания о «меде» относятся ко временам гуннского нашествия. Однако более подробные сведения об их использовании (о вкусе, способах приготовления и употребления) мы знаем из источников существенно более поздних.

Следует отметить, что следов употребления спиртных напитков с религиозной целью на Руси в исторических источниках сохранилось мало. Упоминания об их медицинском использовании также весьма фрагментарны. Практически все данные касаются исключительно его рекреационного значения. И в религиозной, и в учительной древнерусской литературе рассказов про пьянство немало.

Одна из древнейших книг, созданных на Руси, — Изборник 1076 г. Он содержит нравоучительные цитаты и душеполезные размышления на разные случаи жизни. Тексты, послужившие основой для глав Изборника, — переводы с греческого языка, выполненные, возможно, на восточнославянской территории. Надо сказать, переводы эти выполнены в весьма свободной манере. То есть, переводчик внес в них многое «от себя», приспособил содержание таким образом, чтобы оно было лучше понятно в контексте русских реалий. Были адаптированы и размышления об употреблении спиртных напитков. Как известно, наиболее распространенным напитком в Византии было виноградное вино. На Руси же, как было сказано, оно было мало известно. Поэтому вино в Изборнике заменено на знакомый славянам спиртной напиток. Глава, посвященная алкогольной теме, названа: «О меде». В ней безвестный книжник перечислил правила культурного поведения во время большого пира или дружеского застолья. Согласно Изборнику, за столом следовало придерживаться умеренности, осмотрительно выбирать собеседников и темы для разговора, вести себя скромно и с достоинством.

Однако, как это часто случается, в жизни благие пожелания сбывались не всегда. Соблюдать правила в состоянии алкогольного опьянения непросто. О том, как русские средневековые пиры проходили в реальности, мы узнаем из другого, несколько более позднего источника. На сей раз это не перевод, а оригинальное произведение русского автора — Григория, епископа Белгородского (XII в.). Речь идет о его проповедях, которые, очевидно, читались устно и вместе с тем распространялись в письменном виде. Заботой епископа Григория было воспитывать вверенную ему паству, по возможности удерживая население Белгорода от разного рода греховных дел. Судя по тому, как много епископ уделил внимание антиалкогольной теме, проблема эта остро стояла на Руси уже в XII в.

Для начала Григорий живописует картины народных праздников, которые в его изображении предстают перед нами как грандиозные попойки. В этих пирах участвует все население города от мала до велика. Епископ последовательно и весьма натуралистично описывает стадии коллективного алкогольного опьянения: сначала буйные танцы, драки и сексуальная распущенность, а затем сон вповалку. «Егда бо упивается, тогда блудите, и играете, плищете, поете, плящете, в сопѣли сопете, завидите, рано пьете, объѣдаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гнѣваетеся, лаеетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамсловите, кличете, сваритеся, море вамъ до колѣна, смѣетеся, крадете, бьетеся, деретеся, праздновловите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитеся, укаряете, клеплете, — не по истиннѣ ли святое крещение стужить си пьянством вашимъ? А и плясавица есть сатанина невѣста, супружница диавола, всѣмъ мужемъ тѣмъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаредно и своему мужу; образъ Божий нося, съ женою своею совокупитися во плясании, — аще и въ церковь въходите!» [12, с. 288], — восклицает епископ.

Богословская проблема, которую решал в своих проповедях епископ Григорий, была не столь проста, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что православная религиозная доктрина не содержит прямого запрета на употребление спиртных напитков. Поэтому проповеднику пришлось соорудить довольно громоздкую логическую конструкцию для доказательства обоснованности своих инвектив. Он указывает на то, что для человека, сверх меры увлекающегося алкоголем, питье становится своего рода божеством, подменяющим самого Бога. Алкоголь сжирает пьяницу как адский огонь, заставляя подменить поклонение Творцу (т. е. Богу), на поклонение «твари» (т. е. чему-то сотворенному). По поводу посмертных перспектив пьяницы епископ Григорий высказывается со всей опреде-

лённостью: «Пьяницѣ бо царствия Божия не приемлють, то не тако ли явѣсть, яко всякъ пьяница погыбаеть, и от Бога отлучаются, и в негасимый вѣчный огонь посылаеми бывають» [12, с. 269].

Важный аспект общественных представлений об алкоголе отразился и в другом произведении, созданном представителем древнерусской церкви — новгородским монахом Кириком. Совместно с архиепископом Нифонтом Кирик составил руководство для действующих священников по разным аспектам бытовой повседневности человека Древней Руси. Произведение построено как беседа Кирика с Нифонтом и другими авторитетными церковными иерархами. Затронута в ней и алкогольная тема. Кирик спрашивает: как наказывать человека, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения? Ответ архиепископа может показаться нашему современнику странным: алкогольное опьянение в Древней Руси считалось смягчающим обстоятельством. За проступки и правонарушения, совершенные в пьяном виде, назначалась половинная епитимья. Однако и в качестве жертвы пьяный человек тоже представлялся «половиной человека». За преступление, направленное против пьяного, тоже назначалась лишь половинная епитимья.

Информация об употреблении алкогольных напитков на Руси в XV–XVII вв. доступна нам не только в русских источниках, но и в сочинениях иностранцев. В XVI в. Россию посетил английский мореплаватель Ричард Ченслор. О своем визите в Россию Ченслор оставил интересные воспоминания, в которых он отмечал: «...Я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства». Чуть позже об этом же писал другой англичанин, побывавший в России, Джильс Флетчер: «Стол у них более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мед, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который (как мы сказали) есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода».

О пьянстве на Руси писали и немцы. Вот как о России написал посол шлезвиг-голлштинского герцога Адам Олеарий: «Пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире». Понятно, что иностранные послы вращались в специфическом обществе. Возможно, крестьянские массы жили по-другому и пили только по праздникам. Именно об этом свидетельствует один из первых авторов заметок о России XVI в. — немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн.

Примеры описаний злоупотребления алкоголем в средневековом русском обществе можно множить: их немало. Однако и из приведенных фрагментов понятно, что пьянство на Руси в средние века чаще всего не имело ничего общего ни с культовыми, ни с религиозными практиками. Это был способ развлечься, к которому прибегали как представители знати, так и простонародье. Развлечение это считалось не слишком почтенным, но в целом социально одобряемым. Хотя пьяный человек, как было сказано, должен был смириться с потерей половины своего человеческого статуса. В некоторых случаях это могло быть выгодно, в некоторых — нет. Так или иначе, состояние алкогольного опьянения воспринималось как состояние безответственное, что для нужд праздного времяпрепровождения было весьма кстати.

Помимо пьянства, древнерусская бытовая культура знала и иные формы досуга, реализация которых была возможна без применения психоактивных веществ. К числу таковых можно причислить разнообразные игры, обрывочные сведения о которых доносят до нас исторические источники.

В целом отношение к игре как таковой в средневековую эпоху было весьма неоднозначным. С одной стороны, судя по имеющимся косвенным данным, люди играли часто и много. Способность к игре появляется уже у высших животных и достигает у представителей вида *homo sapiens* небывалых высот. Игра в человеческом обществе — не только форма досуга, но и способ обучения, канал сброса эмоционального напряжения, способ установления социальных контактов. С другой стороны, церковь и «высокая» культура вообще относились к игре с изрядной долей подозрительности. Причин такого отношения можно предположить несколько.

Во-первых, в большинстве игр люди эксплуатируют случайность, которая в контексте религиозного мировоззрения является проявлением божественного замысла. Поэтому во многих языческих культурах игра священна. Но для христианского мировосприятия такое низкое, повседневно-бытовое использование сакрального феномена является недопустимым.

Во-вторых, игра может отнимать ресурсы и время от производительного труда и молитвенного служения. Поэтому в древнерусском обществе игра существовала как явление «низкой» профанной культуры. Это касается всех вариантов известных нам древнерусских игр.

Так, например, «играми» на Руси именовались рыцарские турниры. Подобное название было вполне обычно в мировой практике. «Играми с копьем» или «хейстилюдами» назывались рыцарские турниры во Франции и в Британии [7, с. 9]. Однако если в странах Западной Европы турниры со временем превратились в социально одобряемые народные празднества, но на Руси на протяжении всей средневековой эпохи отношение к ним оставалось неодобрительным. Во всяком случае, со стороны летописцев. Если на станицы их трудов и попадало упоминание о турнирах, то лишь случайно и в неблагоприятном освещении.

В Галицко-Волынской летописи под 1249 г. рассказывается о князе Ростиславе Михайловиче, выступающем там в качестве отрицательного героя. Этот Ростислав, осаждая г. Ярославль (в Галицкой земле, на р. Сан), похвалялся, что если б знал, где в этот момент находятся его главные враги — Даниил и Василько Романовичи, то выступил бы на них пусть даже всего с десятью воинами. Пока же местонахождение врагов не ясно, и пока мастера в его войске готовили осадные орудия, решил предаться праздному времяпрепровождению: поразвлечься военной потехой с польским воеводой Воршем: «Возгордился сам собой и сотворил игру перед градом: сразился с Воршем. И пал конь под ним, и вывихнул он себе плечо. И было не на добро ему знамение это» [8, стб. 801].

Рассказ о турнире наполнен ясно читаемой иронией. Летописец подчеркивает непомерную гордость и легкомыслие князя: пока Ростислав развлекался, Даниил и Василько узнали о готовящемся штурме города и сами выступили против него. Ростиславу представилась возможность подтвердить хвастливые слова делом. Однако неудача на турнире предвещала неудачу и в настоящем сражении — Ростислав не выдержал натиска и бежал с поля битвы.

Другое упоминание о «играх-турнирах» содержится в московском летописании и относится уже к XIV в. На него обратил внимание еще великий русский историк Н.М. Карамзин: «В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне на игрушке, как сказано в летописи; сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей» [4, с. 239]. То, что турниры проводились, сомнения не вызывает, однако отношение к ним было не столь серьезным, как в западной Европе. Вокруг было полно настоящих врагов: славу и честь русские воины предпочитали искать не в игровых столкновениях, а в настоящих.

Не лучше было отношение и к другой древнерусской забаве, считающейся нынче делом благородным и интеллектуальным: к игре в шахматы. В древнерусских письменных памятниках (например, в «Пчеле») эта игра осуждается как игра азартная. Источник негативного отношения к шахматам указал историк шахмат И. М. Линдер. Как и многие другие культурные установки, отрицательное отношение к шахматам пришло на Русь из Византии. Шахматы были осуждены церковью на шестом вселенском соборе. Тем не менее, судя по археологическому материалу, шахматы долгое время сохраняли большую популярность: известно несколько находок шахматных фигур [2, с. 22].

Наука не располагает точными данными об источнике проникновения шахмат на Русь. Однако шахматная терминология, прижившаяся на Руси, заставляет думать, что игра эта попала на Русь не посредством Византии, а напрямую с востока. Поэтому в русском названии фигур сохранился термин «ферзь», то есть, فرزين — фарзин, визирь. В греческом языке используется общеевропейское наименование: «королева» — βασίλισσα.

Следует отметить, что, судя по тем отрывочным данным, которыми мы располагаем, правила игры в шахматы существенным образом отличались от современных. В игре большую роль играл случай. Возможно, ходы делались не просто по очереди, но с использованием игровых костей. Это роднило шахматы с другими азартными играми, принадлежности для которых также встречаются в древнерусском археологическом материале. Например, с «мельницей», в правилах которой также было предусмотрено бросание игровых костей.

Есть опасность, что читатель может превратно истолковать материал, изложенный в данной статье, и обвинить автора в попытке дискредитировать русский народ, выставив его народом лентяев и пьяниц. Во избежание недоразумений необходимо сделать пояснение. История России полна примеров исключительно самоотверженного, тяжелейшего труда. Природные условия её таковы, что за каждый кусок хлеба, за каждую версту проложенных дорог, за каждый обустроенный, окультуренный уголок приходилось платить самую высокую трудовую цену. Однако вряд ли кто может усом-

ниться в том, что обычные человеческие недостатки не были чужды и русским. Показать культурную специфику и институализированные формы бытования обычных человеческих недостатков (лени, безделья, пьянства) — главная цель настоящей статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. В четверг 3 недели поста святого Феодосия слово о тръпении и о любви и о посте // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 434–437.
2. Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 176 с.
3. Из Изборника 1076 года // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII. СПб.: Наука, 2000. С.406–479.
4. Карамзин Н. И. История Государства Российского. Т. 5. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 592 с.
5. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 296–489.
6. Наставление отца к сыну // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 490–493.
7. Носов К. С. Рыцарские турниры. СПб.: Полигон, 2004. 141 с.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
9. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
10. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. Б. Б. Кафенгауз. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 409 с.
11. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 456–475.
12. Поучение философа, епископа белгородского. Поучения к простой чади // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 284–291.
13. Столярова Л. В. Как работал древнерусский книгописец? // Очерки феодальной России: сб. статей / под ред. С. Н. Кистерева. М.: УРСС, 1997. С. 52–57.
14. Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М.: Наука, 2000. 543 с.
15. Тарасов А. Е. Труд во спасение. Заметки о трудовой этике в эпоху русского Средневековья [Электронный ресурс] // Православие.ру: сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/34319.htm> (дата обращения: 19.12.2021)
16. Sport // Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 09.09.2021)

Поступила в редакцию 22.05.2021

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dolgov@udm.ru

V.V. Dolgov

ANTHROPOLOGY OF OLD RUSSIAN LAZINESS AND IDLENESS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-33-41

The article examines Old Russian texts through the prism of socio-anthropological theory. The author focuses on the texts in which the researcher can hear the “voice of Old Russian laziness”. The article provides an overview of fragments of ancient Russian texts in which the thoughts and emotions of an idle, lazy person are expressed. In addition, the article focuses on the cultural forms of idle, recreational behavior.

The author shows that the ancient Russian society condemned some forms of idleness, and encouraged some forms of idleness. In the article, the author substantiates the thesis that many forms of leisure activities (for example, playing chess), which are considered respected forms of leisure in modern society, were strictly condemned by the church in ancient times and were officially prohibited. At the same time, some forms of idleness, condemned by the official, “high” culture, continued, nevertheless, to exist among the majority of the population. The author comes to the conclusion about the typological similarity of the ancient Russian culture of idleness with its contemporary medieval European.

Keywords: Ancient Russia, social anthropology, anthropology of laziness, anthropology of idleness.

REFERENCES

1. V chetverg 3 nedeli posta svyatago Feodosiya slovo o tr"penii i o lyubvi i o poste [On Thursday 3 weeks of fasting Saint Theodosius a word about patience and about love and about fasting]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI–XII veka [Library of Literature of Ancient Rus. Vol.1. 11–12th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 434–437. (In Russian).
2. *Dubov I. V.* Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi [New sources on the history of Ancient Rus]. Leningrad, Leningrad University Press, 1990. 176 p.
3. Iz Izbornika 1076 goda [From Izbornik 1076]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 2. XI–XII. [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 2. 11–12th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 406–479. (In Russian).
4. *Karamzin N. I.* Istoriya Gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Vol. 5. St. Petersburg, Tipografiya N. Grecha Publ., 1819. 592 p.
5. Kievo-Pecherskij paterik [Kiev-Pechersk Patericon]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. XII vek [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 4. 12th century]. St. Petersburg, "Nauka" Publ., 1997, pp. 296–489. (In Russian).
6. Nastavlenie otca k synu [Father's Admonition to Son]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 6: XIV — seredina XV veka. [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 6. 14–15th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 490–494. (In Russian).
7. *Nosov K. S.* Rycarskie turnery [Knight tournaments]. St. Petersburg, "Poligon" Publ., 2004. 141 p. (In Russian).
8. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL) [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis' [Ipatiev Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Pubi., 1997. (In Russian).
9. *Popov G. I.* Russkaya narodno-bytovaya medicina. Po materialam etnograficheskogo byuro kn. V. N. Tenisheva. [Russian folk medicine. Based on materials from the ethnographic bureau of Prince V. N. Tenisheva.] St. Petersburg, 1903.
10. *Pososhkov I. T.* Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya [The book on poverty and wealth and other writings]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ, 1951. 409 p. (In Russian).
11. Pouchenie Vladimira Monomaha [Father's Admonition to Son]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI–XII veka. [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 1. 11–12th century]. St. Petersburg, "Nauka" Publ., 1997, pp. 456–475. (In Russian).
12. Pouchenie filosofa, episkopa belgorodskogo. Poucheniya k prostoj chadi [Teaching of the philosopher, bishop of Belgorod. Teachings for a simple child]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. XII vek [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 4. 12th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 284–291. (In Russian).
13. *Stolyarova L. V.* Kak rabotal drevnerusskij knigopisec? [How did the ancient Russian book writer work?] Ocherki feodal'noj Rossii [Essays on feudal Russia]. Moscow, URSS Publ., 1997, pp. 52–57. (In Russian).
14. *Stolyarova L. V.* Svod zapisej piscov, hudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI – XIV vv. [A set of records of scribes, artists and binders of Old Russian parchment codes of the XI–XIV centuries] Moscow, Nauka Publ., -2000. 543 p. (In Russian).
15. *Tarasov A. E.* Trud vo spasenie. Zametki o trudovoj etike v epohu russkogo Srednevekov'ya [Labor for salvation. Notes on work ethics in the era of the Russian Middle Ages] // Pravoslavie.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/34319.htm> (data 19.12.2021) (In Russian).
16. Sport // Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (data 09.09.2021).

Received 22.05.2021

Dolgov V.V., Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dolgov@udm.ru